

ТУРКМЕНИЯ

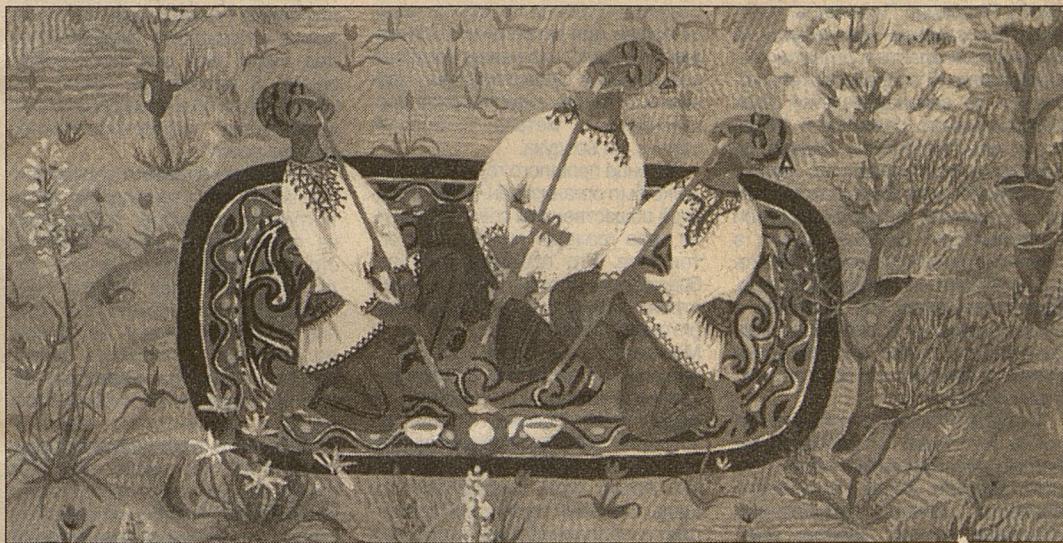
Культура — 2001 — 25-31 янв. — с.4
Каракумы, любовь моя

Иззата Клычева интересует то, о чем раньше стеснялись говорить

Иззат Клычев — давний друг и герой публикаций "Культуры" с тех пор, как в начале 60-х на многих московских и международных выставках его картины пленили не только искушенных ценителей искусства, но и простых людей, открывших с его помощью солнечную южную республику. Многие удивлялись, как это молоденький и худенький стриженный туркмен, бегавший в босоном детстве по селу на краю Каракумов, с 19 лет прошедший войну рядовым телефонистом на передовой, вдруг овладел истинной магией живописи. Буквально все — цветовая гамма, пластика, лицо человека, старика-кумля или трепетной девушки, всадник на ахалтекинце и парень-стригаль, утирающий пот, одежда, глиняный дувал или дорога, ослик и верблюжонок, — все выражало туркменский характер, туркменский колорит, туркменскую неповторимость. И в то же время чувствовалась настоящая школа, отчего туркменское, так же, как фламандское, испанское или русское, становится общечеловеческим. Тот редкий случай, когда все полученные за десятилетия награды и звания — лауреат Государственной премии СССР, Герой Социалистического Труда, народный художник СССР, академик Академии художеств СССР, — воспринимались вполне закономерно.

В его биографии были и трагические страницы. Отец Иззата, просветитель и учитель, в 33-м был репрессирован и с семьей выслан в Северный Казахстан. Там, в лагере, отец и мать умерли на глазах у десятилетнего Иззата. Тем поразительней тот солнечный луч, который пронизывает все его творчество: художник говорит, что это родная Туркмения согревает его всю жизнь и в каждой туркменской женщине, которую рисует, он видит свою мать, а в каждом старике — отца.

В Лондоне только что прошла персональная выставка Клычева в галерее "Умай". Около тридцати работ явили и "давнего", хоть и зрелого Иззата 70-80-х годов, и недавно, конца 90-х. Здесь и галерея изу-



И.Клычев. "Мелодия Каракумов". 1995 г.

мительных иззатовских ковровщиц, чьи фигуры и наряды составляют неразрывный ансамбль с ковровыми узорами, и "Осенняя песня" — белые тельпеки, красные халаты, самозабвенные лица молодых музыкантов, кажется, заставляют звучать и саму картину, и "Танцующая Африка", где каждое энергичное движение, каждая оттопыренная губа и белозубая улыбка, каждая серьга в ухе настолько характерно африканские, что могут служить образцом для самих африканцев. Наконец, здесь последнее увлечение Иззата — искусные, изящно отточенные в каждой детали красочные миниатюры — иллюстрации к восточным сказкам. Иззат начинал их когда-то рисовать для своих дочерей, со временем накопился красочный и самобытный цикл.

— Иззат Назарович, какая публика посещала галерею? Как, кстати, объяснялись — во всем понимали друг друга?

— Живопись, как известно, не требует переводчиков. Но мне было очень приятно, когда открывавший выставку вице-президент компании "Шелл" господин Гивин Грем сказал много теплых слов о Туркмении, ее людях, природе, особенностях. И когда посетители — самые

разные люди, как я подметил, и представители деловых кругов, бизнесмены, и научная и творческая интеллигенция, коллеги по искусству, художники и искусствоведы, и самые простые любители живописи или ценители восточной экзотики — очень много спрашивали, как туркменам удалось так сохранить национальные обычаи, красочность и неповторимость костюмов, особенности быта. Часто просили пересказать содержание сказок, проиллюстрированных миниатюрами. Много вопросов касалось сегодняшнего отношения к России. Я объяснял, что являюсь воспитанником русской культуры, получал там образование и в зрелые годы дышал духовной атмосферой России. Но люблю Туркмению, люблю свои Каракумы. То и другое для меня неразрывно. Общались очень просто — не считая переводчиков галереи, английский знает моя дочь Марал, и уж совершенно свободно чирикает ее десятилетний сын, мой внук Шовкет. Так что он был первый толмач для бабушки.

— Что еще удалось увидеть в Лондоне интересного?

— Конечно, впечатлений множество, я там побывал впервые, но главное из них — Национальная га-

лерея. Увидеть в подлиннике великие полотна, по которым учился когда-то в юности и перед которыми всю жизнь благоговел — Веласкес, Леонардо, Тициан, Рембрандт, Сезанн, Ван Гог, — это было потрясение. Я думал: как я мог осмелиться, такой маленький, взяться за это ремесло после таких великих...

— Какие сюжеты, какие образы волнуют сейчас?

— Я много думаю об отношениях Туркмении и России, включая все сложности и весь драматизм этого пути. Интересно, что раньше недоговаривалось. Это как скрытая боль. Поэтому задумал большую картину о Геоктепинском сражении 1881 года. Там, с одной стороны, проявились очень сильные характеры непримиримо противостоящих русских и туркмен — и генералов с сердарами, и простых запаленных и обожженных солдат и воинов. С другой стороны, хочется показать во всей остроте и боли то, что не должно повторяться между нашими двумя и любимыми другими народами никогда и ни при каких обстоятельствах, — тот ужас, которого надо было и можно было избежать.

Беседу вел
Андрей ТАРАСОВ